

Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. Terminology Issues in the Finno-Ugric Languages of the Russian Federation, Szombathely 2003 (Terminologia et Corpora. Tomus II). 137 с.

Кафедрами уральской филологии и прикладной лингвистики Педагогического института им. Д. Бержени (Сомбатхей) разработан проект, в рамках которого исследуются проблемы развития языка и терминологии народов Центральной Европы (в первую очередь эстонского и латышского), а также финно-угорских языков Российской Федерации. Проект предусматривает и проведение конференций. Публикация связанных с проектом работ осуществляется в серии «Terminologia et Corpora». Рецензируемый второй том серии включает материалы терминологической конференции, состоявшейся в мае 2002 г. в Йошкар-Оле, и посвящен развитию терминологии в языках финно-угорских народов России. Сборник содержит 17 статей, снабженных резюме на английском языке.

Терминологическая работа в большинстве финно-угорских языков России началась и достигла апогея в своем развитии в 20—30-е годы XX века, но потом в силу исторических событий была на долгие годы «забыта», отодвинута на задний план или вообще приостановлена. Волна демократических преобразований конца 80-х — начала 90-х годов в России затронула и малочисленные уральские народы, заставила их по-новому взглянуть на свою судьбу и родной язык.

Рецензируемый сборник открывает статья Н. С. Алямкина о путях обога-

щения общественно-политической терминологии мордовских языков (с. 9—13). Автор говорит о двух основных принципах в создании терминов: 1) использовании собственных лексических возможностей и 2) заимствовании русских и интернациональных терминов. Он выделяет следующие способы образования общественно-политических терминов: морфологический, аналитический, лексико-семантический, морфолого-синтаксический и калькирование (с. 9). К сожалению, конкретно не рассматривается использование собственно лексических возможностей мордовских языков — употребление слов родного языка в специальном значении, или терминологизация, привлечение диалектной лексики, введение в научный оборот архаизмов и т.д.

В статье Е. М. Андриановой «Терминология по морфологии в современном марийском языке» (с. 14—19) создание морфологической терминологии анализируется на базе словаря лингвистических терминов, составленного на кафедре марийского языка Марийского государственного университета. Автор выделяет три структурные модели морфологических терминов: 1) термины-слова (производные и непроизводные), 2) термины-сложные слова и 3) термины-словосочетания. По мнению рецензента, здесь смешение двух уровней: структурного и словообразовательного.

В структурном плане я предложила бы выделить собственно термины, к которым отнесла бы непроезводные, производные (дериваты), сложные слова (*вож* 'корень', *вочмык* 'падеж', *йылымылончыш* 'грамматика') и составные термины, своеобразные сочетания слов из двух и более компонентов (*шуро чот* 'множественное число', *радам чотмут* 'порядковое числительное', *верым ончыктышо наречий* 'наречие места', *кызытсе-шущаша жапын тыглай формыжо* 'простая форма настоящего-будущего времени') и т. д. В словообразовательном плане тогда можно говорить о производных и непроезводных (простых) словах, сложных словах и словосочетаниях, так как словосочетание тоже служит средством номинации, обозначая предмет, явление, процесс, названные стержневым или главным компонентом и уточняемые зависимым. Среди терминов-простых словосочетаний из двух компонентов подробно анализируются названия марийских падежей. В последнем варианте использованного автором словаря, который находится на кафедре уральской филологии Педагогического института им. Д. Бержени для издания, многие из приведенных в статье терминов уже изменены, вместо *мутлодеж* 'залог' предлагается *лупшалтыш*, вместо *вочмык* 'падеж' — русский эквивалент, например: *мо-падеж* 'именительный падеж', *мон-падеж* 'родительный падеж' и т. д. Е. М. Андрианова считает, что спорным при составлении морфологических терминов остается вопрос о количестве элементов в терминах-словосочетаниях. Хотелось бы подчеркнуть: словосочетания в структурном плане действительно делятся на простые, сложные и комбинированные, но не по количеству участвующих в них слов или компонентов (см. структурную классификацию словосочетаний у Е. М. Андриановой), а по характеру подчинительной связи (простые), по типу связей (сложные) и по количеству связей в зависимости от числа стержневых или главных слов (комбинированные). Например, отнесенные к разряду терминов-сложных словосочетаний *раш палыдыме олмештышмут* 'неопределенное местоимение' или *верым ончыктышо наречий* 'наречие мес-

та' относятся в действительности к простым словосочетаниям. В соответствии со структурной классификацией словосочетаний можно решить и вопрос о количестве элементов в терминах-словосочетаниях.

З. С. Артюшкина («Терминология цветового обозначения в марийском литературном языке», с. 20—26) считает возможным рассматривать обозначения цветов как термины искусствоведения по трем причинам: во-первых, в искусствоведении названия цветов получают дополнительные терминологические значения; во-вторых, в марийском литературном языке имеются искусственно созданные названия для оттенков цветов, которые отсутствуют в народно-разговорной речи; в-третьих, обозначения цветов имеют «узко специализированное» значение. Толкование соответствующих слов в многотомном СМЯ она критикует за то, что его составители приводят все имеющиеся значения слова, тогда как в литературной норме, например, то же *кѳк* должно иметь только одно значение — 'сивый' (с. 24). З. С. Артюшкина, видимо, забывает, что издаваемый словарь не является словарем литературного языка, а охватывает все наречия современного марийского языка. В статье справедливо подчеркивается, что марийские диалекты богаты названиями цветов и их оттенков, что позволит разработать терминологию цветообозначения. Необходимо 1) диалектным вариантам названий основных цветов придать новые значения; 2) при создании обозначений цветовых оттенков использовать деривацию. Из предложенных суффиксов (*-алге*, *-ика*, *-ешке*, *-еч*, *-ка*, *-ло*) *-еч*, например, образует существительные только от существительных и глаголов, *-ешке* — в основном существительные, указывающие на способ передвижения людей в пространстве, например, *мыктешкы*, *имнешке* 'всадник', *йолешке* 'пеший, пешеход', поэтому предложенные варианты, как *рывыжешке* 'рыжий' (см. *рывыж* 'лиса'), *яндавешке* 'прозрачный' (*яндар?* 'чистый, прозрачный') или *вўрешке* 'кровавый' (*вўр* 'кровь'), на мой взгляд, неудачны, хотя суффикс и имеет определительное значение. В примерах с *-алге* суффикс снабжен

дополнительной буквой — *г*- (*йошкаргалге*, *ужаргалге*, *чичикагалге*, с. 22). Если первые два примера можно объяснить использованием полной формы прилагательных, а не краткой, как следовало ожидать, то в последнем появлении *г*- непонятно. По-моему, *йошкаргалге*, *ужаргалге*, *чалалге* ничем не отличаются от *кандалге* или *шемалге*, относясь к словообразовательному ряду прилагательных с суффиксом *-алге*, выражающим неполноту цвета; 3) создавать новые названия способом словосложения, в которых главным компонентом будут выступать названия основных цветов: *суралге-канде* 'серо-голубой', *яндартуко* 'светло-зеленый' (с. 23). При разработке системы обозначения цветов следует исходить, как мне кажется, в первую очередь из лексического богатства родного языка, а не придумывать переводы русским эквивалентам. Автор пишет, что в литературном употреблении не только желательно, но и нужно иметь марийские названия, например, для всех 17 оттенков рус. *красный* (с. 23).

А. М. Гребнева («Особенности мордовской флористической лексики», с. 27—30) останавливается на определении терминисистемы, понятии термина и на критериях, по которым термин отличается от общеупотребительной лексики. Исходя из определений терминисистемы в целом и фитонима-термина как единицы флористической терминологической подсистемы, она подчеркивает, что в мордовской флористической терминисистеме отсутствует выдержанная классификация основы, совпадающая с научной ботанической систематикой; ботаническая номенклатура ограничена по сравнению с количеством именуемых объектов, например, из 1135 видов растений, произрастающих на территории республики, мордовские названия имеют не все, многие обозначаются эрз. *тикше*, мокш. *тише* 'трава'; существует диалектная синонимия в названиях растений; разные виды называются общим родовым названием; подчас отсутствует родовое название, а отдельные представители рода имеют индивидуальное наименование. Для мордовских народных названий характерно наличие многочисленных лексических вариантов для одного объекта.

При отсутствии в литературных языках общего термина автор предлагает ввести в научную номенклатуру один из диалектных вариантов названия.

В статье И. Г. Иванова «К проблеме формирования терминологической системы марийского языка» (с. 31—39) достаточно подробно раскрывается понятие терминотворчества на примере марийского языка. Автор отмечает, что в структуре марийского языка место терминологической лексики окончательно не определено, отсутствует единая точка зрения на пути ее формирования. Развитие терминологии прослеживается параллельно с развитием литературного языка. Формирование национальной терминологии на современном этапе необходимо, по мнению И. Г. Иванова, чтобы 1) реализовать конституционное право народа получать образование на родном языке, 2) поднять литературный язык до уровня развития полифункционального средства общения нации, 3) приобретать научные и иные знания на родном языке, 4) популяризировать научные знания среди населения, 5) через родной язык приобщаться к мировой культуре и науке, 6) развивать словообразовательные возможности родного языка (с. 34). Собственно словообразовательные возможности марийского языка автор предлагает использовать следующим образом: 1) терминологизация — перевод общеупотребительных слов в термины, причем особо подчеркивается значение терминологизации архаизмов; 2) терминопроизводство с использованием морфемного инвентаря марийского языка, где продуктивен суффиксальный способ; 3) словосложение; 4) создание терминов путем «отсечения» суффиксов (использовано им впервые: Иванов 2001). Этот способ относится к деривации, т. е. его следовало бы рассматривать под пунктом 2 как деривацию, но с нулевым, или zero-аффиксом. На заимствовании автор подробно не останавливается, подчеркнув лишь, что без него не формируется ни одна терминологическая система.

На мой взгляд, статья И. Г. Иванова является своего рода программной базой в создании и развитии терминологии на марийском языке. Здесь указы-

ваются не только конкретные шаги в этом направлении, но и детально разрабатываются пути терминообразования в марийском языке, применимые и для других финно-угорских языков России.

Статья А. М. Кочеваткина «Анатомическая терминология эрзянского языка» (с. 40—44) посвящена, как подчеркивает автор, одной из наименее исследованных терминологических систем. Необходимость исследования вызвана и тем, что в последнее время усилился приток заимствований из русского языка, а также «особым местом» этой системы в периферийной зоне между общеупотребительной и специальной лексикой. Автор распределяет наименования частей тела и организмов на незначительные по количественному составу подгруппы: остеологические термины, артрологические, миологические, спланхнологические, эндокринные железы, сенсологические, ангиологические и неврологические. Встает вопрос, следует ли на современном этапе так досконально классифицировать анатомическую терминологию или лучше составить один словарь мордовских анатомических терминов.

А. П. Кочеваткина в статье «Терминология мордовского свадебного обряда в этнолингвистическом аспекте» (с. 45—49) отмечает, что обрядовые термины (обрядовая лексика?) «обладают набором своих, характерных для фольклорной лексики признаков, которые отличают их от других терминосистем: полисемантизм, синонимичность, обрядовый символизм и метафоризм». Напрашивается вопрос, чем же отличается тогда термин от нетермина? А. П. Кочеваткина пишет, что в обрядовую лексику наряду с обрядовыми терминами, терминосочетаниями, различными дериватами известных лексем входит и немаркированная лексика — общеупотребительная и диалектная, терминология, заимствованная из других сфер — военной, деловой, юридической (с. 45).

Статья Э. Лебедева «Аспектуальная терминология в чувашском языкознании» (с. 50—62) посвящена анализу терминов, применяемых при описании аспектуальных значений и их формальных показателей. По мнению автора, для тюркской аспектуальной термино-

логии в настоящее время характерно, во-первых, большое количество терминов, во-вторых, нечеткость и отсутствие строгой аргументации их применения.

«Пути развития лексической системы карельского языка» рассматривает Л. Маркианова (с. 63—74). Она пишет, что карельский язык в 20-е годы XX века был объявлен непригодным на новом витке развития общества, он использовался только в бытовой сфере в сельской местности. Карельский язык богат представлен лексикой по флоре, фауне, различным промыслам, обрядам, традициям и т.д., пробелы ощущаются в таких пластах лексики, как научная, техническая, урбанистическая, политическая (с. 63). Автор анализирует лексические новообразования в общественно-политической жизни, слово *термин* она не использует. В статье подчеркивается, что при номинации нового понятия в карельском языке предпочитается морфологический способ словообразования (деривация и словосложение). Л. Маркианова выделяет четыре типа словосложения: I — исконное слово + исконное слово; II — исконное слово + заимствованное слово, по сравнению с первым менее продуктивен, второй компонент в большинстве случаев заимствован из русского языка, иногда из финского; III — заимствованное слово + исконное слово, первым компонентом выступает русское заимствование; IV — заимствованное слово + заимствованное слово, малопродуктивен (с. 64—67). Суффиксальный способ весьма продуктивен в карельском языке. Различаются суффиксальные модели для отыменных и отглагольных существительных и прилагательных (1-я и 2-я модели). В образовании новых слов продуктивны также лексико-семантический и морфолого-синтаксический способы. Заимствование в карельском языке происходит в первую очередь посредством русского и из русского языка, а также из финского. Автор подчеркивает, что при возрождении и развитии языка наблюдается довольно активный процесс перехода забытых или позабытых слов в разряд регулярно употребляемых, например: *ehto* 'условие', *lama* 'застой', *uhru* 'жертва' и др. (с. 73).

Л. С. Матросова в статье «Терминология по синтаксису в современном марийском языке» (с. 75—83) анализирует синтаксические термины на основе словаря лингвистических терминов, подготовленного на кафедре марийского языка Марийского государственного университета. Она подчеркивает, что в использовании синтаксических терминов в современных учебниках по синтаксису у авторов имеются значительные расхождения, но, к сожалению, не приводит примеров. В структурном плане она подразделяет синтаксические термины на термины-слова (производные и непроизводные), термины-сложные слова и термины-словосочетания. Терминов-слов, как простых, так и сложных (автор не различает структурный и словообразовательный уровни) ограниченное количество (26). В словообразовательном плане среди терминов-слов выделяются суффиксальные образования (16) с *-тык/-тыш*, *-маш*, *-еш*, *-ык*, *-ыш*, причастия с *-ме* и *-ше* (с. 77). В примерах *рашемдыме* 'определяемое' и *рашемдыше* 'определяющее' используются как самостоятельные термины, здесь можно было бы говорить о конверсии, о переходе причастий в разряд существительных. Словосочетание *чонгалтме лончо* 'структура' следует разбирать не как суффиксальное образование, а как термин-словосочетание, где один из компонентов — страдательное причастие. Автор приводит 10 терминов-слов (а не терминов-сложных слов, как следовало бы ожидать по структурной классификации), образованных способом словосложения. Видимо, по невнимательности вместе с марийскими композитами даются их русские эквиваленты, например, *грамматике*, *йылмылончыш* 'грамматика', *подлежащий*, *ойвуй* 'подлежащее' и др. (с. 77). Говоря об использовании общепотребительных слов в качестве терминов (с. 78), автор не уточняет, идет ли речь конкретно о терминологизации или о новообразовании путем расширения семантики существующего слова. Подробно анализируются термины-словосочетания, которые подразделяются на простые и сложные термины-словосочетания. По ошибке в число терминов-простых словосочетаний

вошли *инверсий*, *координаций* (с. 78), *парцелляций* (с. 79). В заключение автор снова подчеркивает, что терминами могут быть простые (непроизводные и производные) слова, сложные слова и словосочетания. Идет ли речь о структурной классификации или о словообразовании, понять трудно.

В статье Ю. Мишанина «Мордовская религиозно-мифологическая терминология на страницах периодики России XIX века» (с. 84—93) рассматриваются термины, связанные с ритуалом жертвоприношения, его места, а также термины, характеризующие действующих при этом лиц и используемые предметы. Автор анализирует 26 терминов (*молян*, *кереметь*, *кашакаль*, *панар* и т.д.)

Статья М. В. Мосина «Об одном из источников формирования мордовской терминосистемы» (с. 94—98) посвящена диалектным словам-терминам в диалектологическом словаре Х. Паасонена (*Mordwinisches Wörterbuch I—VI, Helsinki 1990—1998*). Автор подчеркивает, что в словаре много терминов, относящихся к различным сферам функционирования мокшанского и эрзянского языков. Конкретно рассматриваются а) слова, связанные с особенностями мордовского женского костюма, отсутствующие в современных эрзянских словарях, но существующие в языке; б) отдельные названия болезней, которые можно использовать при составлении медицинского терминологического словаря; в) слова, которые дополнили бы словарь общественно-политических терминов (*anoks* 'жертва', *sajevks* 'заем, долг').

Проблемам развития религиозной терминологии на марийском языке посвящена статья В. Патрушева «О библейской терминологии на марийском языке» (с. 99—105). Автор предлагает подготовить и издать русско-марийский словарь библейских терминов и имен, для чего предварительно изучить все имеющиеся на марийском языке переводы Библии и молитвенников, их насчитывается более 60, и в первую очередь библейскую терминологию Ветхого Завета. При составлении словаря огромную помощь могут оказать: а) сравнение марийских языческих терминов и Библии, так

как значения большинства слов, используемых марийцами-язычниками для обозначения представлений о мире, человеческой душе, Боге, нечистой силе и т.д. являются общепонятными. Однако не всегда они отражают тот смысл, который подразумевается в Библии, например, *Господь* можно перевести как *Кугу Юмо*. Но у язычников это главный бог неба, поэтому библейский *Господь* переводится как *Кугоза* 'большой хозяин'; б) историческая литература и различные справочные издания, в которых дается характеристика исторических событий, особенностей быта и т.д., отраженных в Ветхом Завете. Относительно путей формирования терминов автор придерживается позиции И. Г. Иванова, т.е. использование в терминотворчестве собственных возможностей языка.

В статье О. Е. Полякова «О становлении языковой терминологии в мордовских языках» (с. 106—110) анализируется языковедческая (по О. Е. Полякову, языковая) терминология. Автор характеризует терминотворчество в 20—30-е годы XX века, языковые конференции, в повестке дня которых стоял вопрос о разработке терминологии. Конференция 1993 года, как считает О. Е. Поляков, не решила проблему терминологии в мордовских языках: во-первых, в словарях есть термины, не устраивающие учителей, преподавателей вузов и писателей, например: *вятеви валрисьме* 'придаточное предложение' или *вятеви вал* 'зависимое слово'; во-вторых, некоторые термины длинные и носят описательный характер: *глаголонь полафневи форма* 'спрягательная форма глагола'.

Об основных задачах развития финно-угорских языков малочисленных народов говорится в статье Яноша Пустаи (с. 111—120), который выделяет три аспекта: а) политический, б) профессиональный и в) психологический. Относительно первого (по Р. Вардо, планирование статуса языка) Я. Пустаи подчеркивает, что государство может и должно выполнять а) исполнительную роль (т.е. в рамках суверенитета осуществлять решения этноса); б) регулирующую роль (право принимать решение о государственном языке) и в) стимулирующую роль (поддерживать осуществление закона о

языке). На современном этапе в финно-угорских республиках России, кроме Карелии, действуют законы о государственных языках, на основе которых наряду с языком титульной нации государственным является и русский язык, т.е. существует языковой плюрализм. В связи с государственным встает вопрос и о едином литературном языке, чтобы избежать раздробленности народа. Негативный опыт в этом плане имеют коми и мордва, у которых существует по два литературных языка. Профессиональный аспект (по Р. Вардо, планирование языкового корпуса) предусматривает уровень развитости языка. Рассматривается функционирование языка на трех уровнях: бытовом (и фольклор), общественно-культурном (литература, наука) и общественно-политическом. Трудности пользования родным языком возникают в области науки и на общественно-политическом уровне, поэтому встает вопрос о создании терминологии. По Я. Пустаи, лишь при этом условии язык может выполнять функции государственного языка. Наличие терминологии, подчеркивает он, поднимает статус и престиж родного языка, способствует укреплению экономической и политической автономии этноса (с. 115). При разработке терминологии он предлагает пользоваться как изоляционно-пуристическим методом, базирующимся на элементах родного языка, так и интернациональным, т.е. заимствованием и использованием калек. Психологический аспект, по мнению Я. Пустаи, самый сложный: из-за недостаточной развитости родного языка русский употребляется во всех жизненных ситуациях. Он пишет, что надо убедить широкие массы в том, что «стоит уметь выражаться во всех ситуациях жизни на родном языке. Если это намерение потерпит фиаско, начнется или продолжится оттеснение родного языка на задний план, что приведет к вымиранию языка и исчезновению этноса» (с. 117).

В статье Я. Пустаи отражена стратегия не только дальнейшего развития языков малочисленных народов России, но и сохранения самих малых народностей: через единый литературный язык к полифункциональному государствен-

ному языку, а значит, к развитию и процветанию этноса.

Т. М. Шеянова в статье «Из истории формирования общественно-политической терминологии мордовских (эрзянского и мокшанского) языков» (с. 121—129) исследует «некоторые процессы образования номинантов терминологического характера и терминов общественно-политического содержания мордовских языков более раннего периода, их особенности и пути становления, способы образования» (с. 121). Автор подчеркивает, что такая особенность общественно-политических терминов, как выход за пределы узкоспециального обращения, их общеупотребительность и общепонятность заставляют языковедов говорить не об общественно-политической терминологии, а об общественно-политической лексике (с. 122). Наглядным примером формирования терминов является развитие слов со значением 'победа', которых в письменных источниках XVIII века встречается несколько: *чавмо*, *панизь*, *изнея*, глаголы эрз. *изнемс*, мокш. *сэскемс* 'победить'. Вариантность обозначений свидетельствует об отсутствии устойчивого названия в то время, но наличии тенденции к утверждению собственных языковых вариантов, что доказывается современными терминами: эрз. *изнямо* 'победа', *изнямс* 'победить', *изниця* 'победитель', мокш. *сяськома*, *сяськомс*, *сяськи*. Т. М. Шеянова выделяет два способа терминообразования: 1) образование неологизмов и появление терминированных социальных значений у известных слов, 2) заимствования из других языков. В образовании неологизмов продуктивным был морфологический способ. Она подчеркивает, что большая часть терминов, созданных в далекие времена, сохранилась в современных мордовских языках, как и способы терминообразования.

Статья Р. С. Ширманкиной «Лингвистическая терминология в школьных учебниках эрзянского языка» (с. 130—137) посвящена синтаксическим терминам, встречающимся в учебных пособиях для школ. Анализ проведен на основе учебников синтаксиса, изданных в Мордовии в разное время. Особо отмечен первый учебник по синтаксису эр-

зянского языка (1934), автором которого был А. П. Рябов. Учебник содержит элементарные понятия синтаксиса, как *вал веле* 'предложение' (букв. слово + село), *вал велень пелькс* 'член предложения', *вал велень покш пелькст* 'главные члены предложения', *вал велень а покш пелькст* 'второстепенные члены предложения' и т. д. К сожалению, из всех примеров автор собственными терминами называет только два: *вал веле* и *вал велень пелькс*. В 1938 г. на научной языковой конференции из 278 грамматических терминов 150 были заменены русскими эквивалентами, 107 терминов представляли собой кальки с русского языка. Изданная в 1938 году грамматика эрзянского языка (автор М. Н. Коляденков) сохранила термины русского происхождения, исконно эрзянские были заменены русскими соответствиями. В 1994 г. вышел учебник для 9-го класса «Эрзянь кель. Синтаксис» (авторы Т. М. Тихонова и Н. И. Рузанкин) с 28 новыми терминами, но большую часть синтаксических терминов все же составляют русские заимствования. В 2001 г. изданы программы по эрзянскому языку для 5—11 классов (авторы В. П. Цыпкайкина, Д. В. Цыганкин) с приложением из 315 грамматических терминов. Автор выделяет среди них действительно удачные, как *невтемань вал* 'указательное слово', *раськень вал* 'родственное слово', но все же большая часть терминов представляет собой русские заимствования или полукальки. Завершает статью список лингвистических терминов по синтаксису из школьных учебников эрзянского языка (с. 134—136).

На основе рассмотренного материала можно сделать вывод, что, во-первых, в финно-угорских языках России пока еще отсутствует единый подход к понятиям термина и терминологии, поэтому не всегда можно проследить границу между термином и нетермином, как, например, в случае с общественно-политической терминологией. Во-вторых, трудности в понимании излагаемого материала возникали также из-за неадекватного использования лингвистических терминов русского языка в целом, на которую опирается и на базе которой развивается лингвистическая терминология

финно-угорских языков России. В-третьих, анализ статей свидетельствует, что для финно-угорских языков России в целом характерны те же приемы создания терминов, как в любом другом языке: 1) использование общеупотребительной лексики родного языка в специальном значении, или терминологизация; 2) новообразования с использованием словообразовательных моделей родного языка (деривация, словосложение, расшире-

ние или сужение семантики слова, конверсия); 3) заимствование, одним из видов которого является калькирование. Можно сделать вывод, что в образовании терминов прослеживается тенденция к росту терминов-словосочетаний.

Рецензируемый сборник в целом наглядно свидетельствует о возрождении терминологической деятельности у финно-угорских народов России.

ЛИТЕРАТУРА

- И в а н о в И. Г. 2001, Мутвундым пойдарена. У мут-влак мутер, Йошкар-Ола. Словарь марийского языка 1—8, Йошкар-Ола 1990—2003 (= СМЯ).

МАРГАРИТА КУЗНЕЦОВА (Сомбатхей)

SUBSCRIPTION INFORMATION FOR 2005

	INDEX	ISSN	SUBSCRIPTION PRICES (including delivery)		
			Estonia EEK	Other countries EUR	
				year	half year
SERIES OF PROCEEDINGS OF THE ESTONIAN ACADEMY OF SCIENCES					
Biology. Ecology	78152	1406—0914	160	45	85
Chemistry	78155	1406—0124	160	45	85
Engineering	78253	1406—0175	160	45	85
Geology	78154	1406—0132	160	45	85
Physics. Mathematics	78156	1406—0086	160	45	85
OTHER JOURNALS					
Acta Historica Tallinnensia	78157	1406—2925	66		30
Estonian Journal of Archaeology	78158	1406—2933	66	17	30
Linguistica Uralica	70880	0868—4731	160	45	85
Trames	78153	1406—0922	160	45	85
Oil Shale	70236	0208—189X	160	55	108

Subscription orders (order form available at <http://www.kirj.ee>) should be sent to:

Estonian Academy Publishers, Kohtu 6, EE-10130 Tallinn, Estonia.

Tel. (372) 6 454 504, fax (372) 6 466 026, e-mail asta@kirj.ee.

Ajakirju saab tellida aasta või kvartali kaupa kõigi Eesti ajakirjandusleviga tegelevate ettevõtete kaudu (Eesti Ajakirjanduslevi OU, Eesti Post, OU Kirilind) ja üksiknumbreid (ka varem ilmunuid) osta Teaduste Akadeemia Kirjastusest. Täpsem teave <http://www.kirj.ee/>.